

ГЛАВА I

Филадельфия, где родился Фрэнк Алджернон Каупервуд, насчитывала тогда более двухсот пятидесяти тысяч жителей. Город этот изобиловал красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины. Многого из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда еще не существовало — телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов. Не было даже почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. В черте города курсировали бесчисленные omnibusы, а для дальних путешествий служила медленно развивавшаяся сеть железных дорог, все еще тесно связанная с судоходными каналами.

Фрэнк родился в семье мелкого банковского служащего, но десять лет спустя, когда мальчик начал любознательно и зорко вглядываться в окружающий мир, умер председатель правления банка; все служащие соответственно повысились в должностях, и мистер Генри Уортингтон Каупервуд «унаследовал» место помощника кассира с блистательным, по его тогдашним понятиям, годовым окладом в три с половиной тысячи долларов. Он тотчас же радостно сообщил жене о своем решении перебраться из дома 21 по Баттвуд-стрит в дом 124 по Нью-Маркет-стрит: и район не такой захолустный, и дом — трехэтажный кирпичный особнячок — не шел ни в какое сравнение с нынешним жилищем Каупервудов. У них имелись все основания полагать, что со временем они переедут в еще более просторное помещение, но пока и это было неплохо. Мистер Каупервуд от души благодарил судьбу.

Генри Уортингтон Каупервуд верил лишь в то, что видел собственными глазами, и был вполне удовлетворен своим по-

ложением — это открывало ему возможность стать банкиром в будущем. В ту пору он был представительным мужчиной — высокий, худощавый, подтянутый, с вдумчивым взглядом и холеными, коротко подстриженными бакенбардами, доходящими почти до мочек ушей. Верхняя губа, странно далеко отстоявшая от длинного и прямого носа, всегда была чисто выбрита, так же как и заостренный подбородок. Густые черные брови оттеняли зеленовато-серые глаза, а короткие прилизанные волосы разделялись аккуратным пробором. Он неизменно носил сюртук — в тогдашних финансовых кругах это считалось «хорошим тоном» — и цилиндр. Ногти держал в безукоризненной чистоте. Впечатление он производил несколько суровое, но суровость его была напускная.

Стремясь выдвинуться в обществе и в финансовом мире, мистер Каупервуд всегда тщательно взвешивал, с кем и о ком он говорит. Он в равной мере остерегался как высказывать резкие или непопулярные в его кругу мнения по социальным или политическим вопросам, так и общаться с людьми, пользовавшимися дурной репутацией. Впрочем, надо заметить, что он и не имел определенных политических убеждений. Он не являлся ни сторонником, ни противником рабовладения, хотя атмосфера тогда была насыщена борьбой между аболиционистами и сторонниками рабства. Каупервуд твердо верил, что на железных дорогах можно нажать большое богатство, был бы только достаточный капитал да еще одна странная штука — личное обаяние, то есть способность внушать к себе доверие. По его убеждению, Эндрю Джексон был совершенно не прав, выступая против Николаса Бидла¹ и Банка Соединенных Штатов, — эта проблема волновала тогда все умы. Он был крайне обеспокоен потоком «дутьих денег», находившихся в обращении и то и дело попадавших в его банк, который, конечно, все же таковые учитывал и с выгодой для себя вновь пускал в оборот, выдавая их жаждущим ссуды клиентам. Третий Филадельфийский национальный банк, в котором он служил, помещался в деловом квартале, в ту пору считавшемся цветом всего американского финансового мира; владельцы

---

¹ Эндрю Джексон — 7-й президент США с 1829 по 1837 год; *Николас Бидл* — председатель правления Банка США.

банка попутно занимались также игрой на бирже. «Банки штатов», крупные и мелкие, возникали тогда на каждом шагу; они бесконтрольно выпускали свои банковые билеты на базе ненадежных и никому не ведомых активов и с невероятной быстротой вылетали в трубу или же приостанавливали платежи. Осведомленность во всех этих делах была непременным условием деятельности мистера Каупервуда, отчего он и стал воплощенной осторожностью. К сожалению, ему не хватало двух качеств, необходимых для преуспевания на любом поприще, — личного обаяния и дальновидности. Крупным финансистом он не мог бы сделаться, но ему все же предстояла неплохая карьера.

Миссис Каупервуд была женщина религиозная; маленькая, со светло-каштановыми волосами и ясными карими глазами, она в молодости казалась весьма привлекательной, но с годами стала несколько жеманной и вся ушла в житейские заботы. К своим материнским обязанностям по воспитанию троих сыновей и дочери она относилась очень серьезно. Мальчики, предводительствуемые старшим, Фрэнком, служили для нее источником постоянных тревог, ибо то и дело совершали вылазки в разные концы города, где, чего доброго, водились с дурной компанией, видели и слышали то, что в их возрасте не полагается ни видеть, ни слышать.

Фрэнк Каупервуд в десять лет вел себя как прирожденный вожак. И в начальной, и в средней школе все считали, что на его здравый смысл можно положиться при любых обстоятельствах. Характер у него был независимый, смелый и задорный. Политика и экономика привлекали его с детства. Книгами он не интересовался. С виду это был подтянутый, широкоплечий, ладно скроенный мальчик. Лицо открытое, глаза большие, ясные и серые; широкий лоб и темно-каштановые, остриженные бобриком волосы. Манеры порывистые и самоуверенные. Всех и каждого донимая вопросами, он настаивал на исчерпывающих, разумных ответах. Фрэнк не знал болезней или недомогания, отличался прекрасным аппетитом и полновластно командовал братьями: «Ну-ка, Джо!», «Живей, поворачивайся, Эд!». Его команда звучала не грубо, но авторитетно, и Джо с Эдом повиновались. Они с детства привыкли смотреть на старшего брата как на главаря, с чьими словами следует считаться.

Он постоянно размышлял — размышлял без устали. Все на свете равно поражало его, ибо он не находил ответа на главный вопрос: что это за штука жизнь и как она устроена? Откуда взялись на свете люди? Каково их назначение? Кто положил всему начало? Мать рассказала ему легенду об Адаме и Еве, но он в нее не поверил.

Каупервуды жили неподалеку от рыбного рынка; по дороге к отцу в банк или во время какой-нибудь вылазки с братьями после школьных уроков Фрэнк любил останавливаться перед витриной, в которой был выставлен аквариум; рыбаки с залива Делавэр нередко пополняли его всевозможными диковинками морских глубин. Однажды он видел там морского конька, крохотное животное, немного смахивающее на лошадку, в другой раз — электрического угря, чьи свойства объяснило знаменитое открытие Бенджамина Франклина. В один прекрасный день в аквариум пустили омара и каракатицу, и Фрэнк стал очевидцем трагедии, которая запомнилась ему на всю жизнь и многое помогла уразуметь. Из разговора любопытствующих зевак он узнал, что омару не давали никакой пищи, так как его законной добычей считалась каракатица. Омар лежал на золотистом песчаном дне стеклянного садка и, казалось, ничего не видел; невозможно было определить, куда смотрят черные бусинки его глаз, но, надо думать, они не отрывались от каракатицы. Бескровная и восковидная, похожая на кусок сала, она передвигалась толчками, как торпеда, но беспощадные клешни врага каждый раз отрывали новые частицы от ее тела. Омар, словно выброшенный катапультой, кидался к тому месту, где, казалось, дремала каракатица, а та, стремительно отпрянув, укрывалась за чернильным облачком, которое оставляла за собой. Но и этот маневр не всегда был успешен. Кусочек ее тела и хвоста все чаще оставался в клешнях морского чудовища. Юный Каупервуд ежедневно прибегал сюда и как зачарованный следил за ходом трагедии.

Однажды утром он стоял перед витриной, чуть не прижавшись носом к стеклу. От каракатицы оставался уже только бесформенный клок; почти пуст был и ее чернильный мешочек. Омар притаился в углу аквариума, видимо изготовившись к боевым действиям.

Мальчик простаивал у окна почти все свободное время, завороченный этой жестокой схваткой. Теперь уже скоро — может быть, через час, а может быть, завтра — каракатицы не

станет; омар ее прикончит и сожрет. Фрэнк перевел глаза на зеленую, с медным отливом разрушительную машину в углу аквариума. Интересно, скоро ли это случится? Пожалуй, еще сегодня. Вечером надо будет снова прибежать сюда.

Вечер настал, и что же? Ожидаемое свершилось. У витрины стояла кучка людей. Омар забился в угол, перед ним лежала перерезанная надвое, почти уже сожранная каракатица.

— Дорвался наконец! — произнес кто-то рядом с мальчиком. — Я тут давно стою: с час назад омар вдруг ринулся и схватил ее. Каракатица изнемогала, у нее больше не хватало проворства. Она метнулась было от него, но омар этого и ждал. Он уже давно предусмотрел малейшее движение своей жертвы и вот сегодня наконец ее прикончил.

Фрэнк смотрел широко раскрытыми глазами. Какая досада, что он упустил этот миг. На секунду в нем шевельнулась жалость к убитой каракатице. Затем он перевел взгляд на победителя.

«Так оно и должно было случиться, — мысленно произнес он. — Каракатице не хватало изворотливости. — Он попытался разобраться в случившемся. — Каракатица не могла убить омара — у нее для этого не было никакого оружия. Омар мог убить каракатицу — он прекрасно вооружен. Каракатице нечем было питаться, перед омаром была добыча — каракатица. К чему это должно было привести? Существовал ли другой исход? Нет, она была обречена», — заключил он, уже подходя к дому.

Этот случай произвел на Фрэнка неизгладимое впечатление. В общих чертах он давал ответ на загадку, долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует — одно за счет другого. Омары пожирают каракатиц и других тварей. Кто пожирает омаров? Разумеется, человек. Да, конечно, вот она разгадка! «Ну а кто пожирает человека? — тотчас же спросил он себя. — Неужели другие люди? Нет, дикие звери. Да еще индейцы и людоеды. Множество людей гибнет в море и от несчастных случаев». Он не был уверен в том, что и люди живут одни за счет других, но они убивают друг друга, это он знал. Взять хотя бы войны, уличные побоища, погромы. Погром Фрэнк видел однажды собственными глазами. Он возвращался из школы, тогда толпа напала на редакцию газеты «Паблик леджер». Отец объяснил ему, что послужило

тому причиной. Страсти разгорелись из-за рабов. Да, да, конечно! Одни люди живут за счет других. Рабы — они ведь тоже люди. Из-за этого-то и царило в те времена такое возбуждение. Одни люди убивали других людей — чернокожих.

Фрэнк вернулся домой, весьма довольный сделанными им выводами.

— Мама! — крикнул он, едва переступив порог. — Наконец-то он ее прикончил!

— Кто? Кого? — в изумлении спросила мать. — Ступай-ка мыть руки!

— Да омар, про которого я вам с папой рассказывал. Прикончил каракатицу.

— Какая жалость! Но что тут интересного? Живее мой руки!

— Ого, такую штуку не часто приходится видеть! Я, например, видел это в первый раз.

Он вышел во двор, где была водопроводная колонка и рядом с нею врытый в землю столик, на котором стояли ведро с водой и блестящий жестяной таз. Фрэнк вымыл лицо и руки.

— Папа, — обратился он к отцу после ужина, — помнишь, я тебе рассказывал про каракатицу?!

— Помню.

— Ну так вот — ее уже нет. Омар ее сожрал.

— Скажи на милость! — равнодушно отозвался отец, продолжая читать газету.

Но Фрэнк еще долгие месяцы размышлял над виденным, над жизнью, с которой он столкнулся, ибо его уже начинал занимать вопрос: кем он будет и как сложится его судьба? Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он решил, что привлекательнее всего банковское дело. А Третья улица, где служил его отец, казалась ему самой красивой, самой замечательной улицей в мире.

ГЛАВА II

Детство Фрэнка Алджернона Каупервуда протекало среди семейного уюта и благополучия. Батнвуд-стрит, улица, где он проживал до десяти лет, пришлась бы по душе любому мальчику. В основном она была застроена двухэтажными особняч-

ками из красного кирпича с низкими ступеньками из белого мрамора и такими же наличниками на дверях и окнах. Вдоль улицы были густо посажены деревья. Мостовая, выложенная крупным округлым булыжником, после дождя блестела чистой, а от красных кирпичных тротуаров, всегда чуть-чуть сыроватых, веяло прохладой. Позади каждого домика имелся двор, поросший деревьями и травой. Кое-где даже были разбиты цветники, так как земельные участки здесь тянулись футов на сто в ширину, дома же были выдвинуты близко к мостовой, и за ними оставалось много свободного пространства.

Отец и мать Каупервуды, люди достаточно простодушные и отзывчивые, умели радоваться и веселиться вместе со своими детьми. Поэтому ко времени, когда отец решил перебраться в новый дом на Нью-Маркет-стрит, семья, в которой после рождения Фрэнка каждые два-три года прибавлялось по ребенку, пока детей не стало четверо, представляла собой оживленный маленький мирок. С тех пор как Генри Уортингтон Каупервуд стал занимать более ответственный пост, его связи непрерывно ширились, и он мало-помалу сделался видной персоной. Он свел знакомство со многими крупнейшими вкладчиками своего банка, а так как по делам службы ему приходилось бывать и в других банкирских домах, то его стали считать своим и в Банке Соединенных Штатов, и у Дрекселей, Эдвардсонов и многих других. Биржевые маклеры знали его как представителя крепкой финансовой организации, он повсюду слыл человеком если и не блестящего ума, то в высшей степени честным и добропорядочным дельцом.

Юный Каупервуд все больше вникал в детали отцовских занятий. По субботам ему частенько разрешалось приходить в банк, и он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги. Ему хотелось знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему банк такой учет производит и что люди делают с полученными деньгами. Отец, довольный, что сын интересуется его делом, охотно давал ему объяснения, так что Фрэнк в очень раннем возрасте — между десятью и пятнадцатью годами — уже составил себе довольно полное представление о финансовой системе Америки, знал, что такое Банк штата и в чем его

отличие от Национального, чем занимаются маклеры, что такое акции и почему их курс постоянно колеблется. Он начал уяснять себе значение денег как средства обмена и понял, что всякая стоимость исчисляется в зависимости от основной — стоимости золота. Он был финансистом по самой своей природе и все связанное с этим трудным искусством схватывал так же, как поэт схватывает тончайшие переживания, все оттенки чувств. Золото — это средство обмена — страстно его привлекало. Узнав от отца, как оно добывается, мальчик часто во сне видел себя собственником золотиносных копеек и, проснувшись, жаждал, чтобы сон обратился в явь. Неменьший интерес возбуждали в нем акции и облигации; он узнал, что бывают акции, не стоящие бумаги, на которой они отпечатаны, и другие, расценивающиеся гораздо выше своего номинала.

— Вот, сынок, погляди, — сказал ему однажды отец, — такие бумажки не часто встречаются в наших краях.

Речь шла об акциях Британской Ост-Индской компании, заложенных за две трети номинала, в обеспечение сотысячного займа. Они принадлежали одному филадельфийскому магнату, нуждавшемуся в наличных деньгах. Юный Каупервуд с живым любопытством разглядывал пачку бумаг.

— По виду не скажешь, что они стоят таких денег, — заметил он.

— Они ценятся вчетверо выше своего номинала, — улыбаясь, отвечал отец.

Фрэнк снова принялся рассматривать бумаги.

— «Британская Ост-Индская компания», — прочитал он вслух. — Десять фунтов. Что-то около пятидесяти долларов.

— Сорок восемь долларов и тридцать пять центов, — деловито поправил его отец. — М-да, будь у нас такая пачка, не было бы надобности трудиться с утра до вечера. Обрати внимание, они почти новехонькие, редко бывают в обороте. В закладке они, видимо, первый раз.

Подержав пачку в руках, юный Каупервуд вернул ее отцу, дивясь огромной разветвленности финансового дела. Что это за Ост-Индская компания? Чем она занимается? Отец объяснил ему.

Дома Фрэнк тоже слышал разговоры о капиталовложениях и о рискованных финансовых операциях. Его заинтересовал

рассказ про весьма любопытную личность, некоего Стимберджера, крупного спекулянта из штата Виргиния, который перепродавал мясо и недавно заявился в Филадельфию, привлеченный надеждой на широкий и легкий кредит. Стимберджер, по словам отца, был связан с Николасом Бидлом, Ларднером и другими заправилами Банка Соединенных Штатов и даже очень дружен кое с кем из них. Так или иначе, но он добивался от этого банка почти всего, чего хотел добиться. Он производил крупнейшие закупки скота в Виргинии, Огайо и других штатах и фактически монополизировал мясную торговлю на востоке страны. Это был огромный человек, с лицом весьма напоминавшим, по словам мистера Каупервуда, свиное рыло; он неизменно ходил в высокой бобровой шапке и длинном, просторном сюртуке, болтавшемся на его могучем теле. Стимберджер умудрился взвинтить цены на мясо до тридцати центов за фунт, чем вызвал бурю негодования среди мелких торговцев и потребителей и стяжал себе недобрую славу. Являясь в фондовый отдел филадельфийского банка, он приносил с собой тысяч на сто или на двести краткосрочных обязательств Банка Соединенных Штатов, выпущенных купюрами в тысячу, пять и десять тысяч долларов, сроком на год. Эти обязательства учитывались из расчета на десять-двенадцать процентов ниже номинала, а сам он платил за них Банку Соединенных Штатов векселем на полную сумму сроком на четыре месяца. Следующие ему деньги он получал в фондовом отделе Третьего национального банка альпари¹ пачками банкнот разных банков, находившихся в Виргинии, Огайо и Западной Пенсильвании, так как именно в этих штатах он главным образом и производил свои расчеты. Третий национальный банк получал от четырех до пяти процентов барыша с основной сделки, да еще удерживал учетный процент с западных штатов, что тоже давало немалую прибыль.

В рассказах отца часто упоминался некий Фрэнсис Гранд, знаменитый вашингтонский журналист, игравший немалую роль за кулисами конгресса США, великий мастер выведывать всевозможные секреты, особенно касающиеся финансового законодательства. Секретные дела президента и кабинета ми-

---

¹ По номиналу.

нистров, а также сената и палаты представителей, казалось, были для него открытой книгой. В свое время Гранд, через посредство двух или трех маклерских контор, скупал крупными партиями долговые обязательства и облигации Техаса. Эта республика, борющаяся с Мексикой за свою независимость, выпустила ряд займов на сумму в десять-пятнадцать миллионов долларов. Предполагалось включить Техас в число штатов США, и в связи с этим через конгресс был проведен законопроект об ассигновании пяти миллионов долларов в счет погашения старой задолженности республики. Гранд пронюхал об этом, равно как и о том, что часть долговых обязательств, в силу особых условий их выпуска, будет оплачена полностью, остальные же — со скидкой и что заранее решено инсценировать провал законопроекта на одной сессии, чтобы отпугнуть тех, кто, прослышав о такой комбинации, вздумал бы, в целях наживы, скупать старые обязательства. Гранд поставил об этом в известность Третий национальный банк, а следовательно, об этом узнал и помощник кассира Каупервуд. Он рассказал все жене, а через нее это дошло до Фрэнка; его ясные большие глаза загорелись. Почему, спрашивал он себя, отец не воспользуется случаем и не приобретет облигации Техасской республики лично для себя? Ведь сам же он говорил, что Гранд и еще человека три-четыре нажили на этом тысяч по сто. Надо думать, что он считал это не вполне законным, хотя и противозаконного тут, собственно, ничего не было. Почему бы не использовать эту осведомленность для своей выгоды? Фрэнк решил, что его отец не в меру честен, не в меру осмотрителен, — когда он сам вырастет, делается биржевиком, банкиром и финансистом, то, уж конечно, не упустит такого случая.

Как раз в те дни к Каупервудам приехал родственник, никогда раньше их не посещавший. Сенека Дэвис, брат миссис Каупервуд, белолицый, румяный и голубоглазый здоровяк, ростом пять футов и девять дюймов, крепкий, круглый, с круглой же головой и блестящей лысиной, обрамленной курчавыми остатками золотисто-рыжих волос. Одевался он весьма элегантно, тщательно соблюдая моду, — жилет в цветочках, длинный серый сюртук и цилиндр (неотъемлемая принадлежность преуспевающего человека). Фрэнк пленился им с перво-

го взгляда. Мистер Дэвис был плантатором и владел большим ранчо на Кубе; он рассказывал мальчику о жизни на острове — о мятежах, засадах, яростных схватках с мачете¹ в руках на его собственной плантации и о множестве других интересных вещей. Он привез с собой целую коллекцию индейских диковинок, много денег и несколько невольников. Один из них — Мануэль, высокий и тощий негр, — неотлучно находился при нем как бы в качестве его адъютанта и телохранителя. Мистер Дэвис экспортировал со своих плантаций сахар-сырец, который сгружался в Южной гавани Филадельфии. Дядя очаровал Фрэнка своей простодушной жизнерадостностью, казавшейся в этой спокойной и сдержанной семье даже несколько грубоватой и развязной.

Нагрязнув в воскресенье под вечер, неожиданно и негаданно, дядя поверг всю семью в радостное изумление.

— Да что ж это такое, сестрица! — вскричал он, едва заведя миссис Каупервуд. — Ты ни капельки не потолстела. А я-то думал, когда ты выходила замуж за своего почтенного Генри, что тебя разнесет, как твоего братца. Нет, вы только посмотрите! Клянусь честью, она и пяти фунтов не весит.

И, обхватив Нэнси-Арабеллу за талию, он подкинул ее, к вящему удивлению детей, не привыкших к столь бесцеремонному обращению с их матерью.

Генри Каупервуд был очень доволен и польщен приездом богатого родственника: пятнадцать лет назад, когда он был молодоженом, Сенека Дэвис просто не удостоивал его вниманием.

— Вы только взгляните на этих маленьких горожан, — шумел дядя, — рожицы точно мелом вымазанные. Вот бы им приехать на мое ранчо подзагореть немножко. Восковые куклы, да и только. — С этими словами он ущипнул за щеку пятилетнюю Анну Аделаиду. — Надо сказать, Генри, вы тут недурно устроились, — продолжал он, критическим взглядом окидывая гостиную ничем не примечательного трехэтажного дома.

Комната эта, размером двадцать футов на двадцать четыре, отделанная панелями под вишневое дерево и обставленная новым гарнитуром в стиле Шератона, выглядела несколько

---

¹ *Мачете* — испанский широкий нож.

необычно, но в общем приятно. Когда Генри Каупервуд стал помощником кассира, он выписал из Европы фортепиано — большая роскошь по тогдашним понятиям. Комнату украшали и другие редкие вещи: газовая люстра, аквариум с золотыми рыбками, несколько прекрасно отполированных раковин причудливой формы и мраморный купидон с корзиной цветов в руках. Стояло лето, в распахнутые окна заглядывали, радуя взор, деревья, осенявшие своими кронами кирпичные тротуары. Дядя Сенека не торопясь вышел во двор.

— Весьма приятный уголок, — заметил он, стоя под развесистым вязом и оглядывая дворик, частично вымощенный кирпичом и обнесенный кирпичной же оградой, по которой вился дикий виноград. — А где же у вас гамак? Неужели вы летом не вешаете здесь гамака? В Сен-Педро у меня их штук шесть или семь на веранде.

— Мы как-то не подумали о гамаке, ведь кругом соседи. Но это было бы премило, — отвечала миссис Каупервуд. — Завтра же попрошу Генри его купить.

— Я привез с собой несколько штук. Они у меня в сундуке в гостинице. Мои чернокожие на Кубе сами плетут их. Я вам завтра утром пришлю один с Мануэлем.

Он сорвал листик винограда, подергал за ухо Эдварда, пообещал Джозефу, младшему из мальчиков, индейский томагавк и вернулся в дом.

— Вот этот мальчонка мне нравится, — сказал он немного погодя и положил руку на плечо Фрэнка. — Как его полное имя, Генри?

— Фрэнк Алджернон.

— Гм! Надо было назвать его иначе, как зовут меня. В этом мальчугане что-то есть... Приезжай ко мне на Кубу, сынок, я из тебя сделаю плантатора.

— Меня к этому не тянет, — отвечал старший сын Каупервуда.

— По крайней мере, сказано откровенно! Что же ты имеешь против моего предложения?

— Ничего. Только я не знаю этого дела.

— А какое ты знаешь?

Мальчик улыбнулся не без хитрецы:

— Я пока еще мало что знаю.

— Ну ладно, а что тебя интересует?

— Деньги.

— Вот оно что! Это, значит, в крови — по стопам папеньки пошел. Что ж, плохого тут нет! И рассуждает-то он как мужчина. Ну, малый, мы с тобой еще побеседуем. Похоже, Нэнси, что у тебя растет финансист. Он смотрит на вещи как настоящий делец.

Дядя еще внимательнее взглянул на Фрэнка. В этом решительном юнце, несомненно, чувствовалась сила. Его большие и ясные серые глаза выражали ум. Они многое таили в себе и ничего не выдавали.

— Занятный малый! — сказал мистер Дэвис зятю. — Мне нравится его прыть. У вас славные дети.

Мистер Каупервуд только улыбнулся. Этот дядюшка, раз ему так нравится Фрэнк, может многое для него сделать. Например, оставить ему со временем часть своего состояния. Мистер Дэвис был богат и холост.

Дядя Сенека стал часто бывать у Каупервудов, всегда в сопровождении своего чернокожего телохранителя Мануэля, говорившего, к немалому изумлению детей, по-английски и по-испански. Фрэнк все больше и больше интересовал его.

— Когда мальчик подрастет и решит, кем он хочет быть, я помогу ему встать на ноги, — заметил однажды мистер Дэвис в разговоре с сестрой, и та горячо поблагодарила его.

Дядя беседовал с Фрэнком о его занятиях и обнаружил, что мальчика мало интересуют книги, да и вообще большинство школьных предметов. Грамматика — просто гадость. Литература — ерунда. Латынь — бесполезная трата времени. История — ну, это еще куда ни шло.

— Я люблю счетоводство и математику, — заявил Фрэнк. — А вообще мне бы хотелось покончить с этим и взяться за дело.

— Рановато еще, дружок, — отозвался дядя. — Сколько тебе? Четырнадцать?

— Тринадцать.

— Вот видишь, а раньше шестнадцати нельзя бросить школу. Еще бы лучше проучиться лет до семнадцати-восемнадцати. Это тебе не повредит. Детства ведь потом не вернешь, мой мальчик.

— Я не хочу быть мальчиком. Я хочу работать.

— Не торопись, сынок. Все равно оглянуться не успеешь, и ты уже взрослый. Ты ведь, кажется, метишь в банкиры?

— Да, дядя.

— Ну что ж, когда, Бог даст, время придет, я помогу тебе на первых порах, если ты не передумаешь. Смотри только ве-ди себя хорошо. На твоём месте я бы поработал год-другой в большой хлебно-комиссионной конторе. Там можно понабратся опыта. Ты узнаешь много такого, что тебе впоследствии пригодится. А пока береги свое здоровье и учись. Когда понадобится, извести меня, где бы я ни находился. Я напишу и узнаю, как ты себя вел.

Он дал мальчику золотую монету в десять долларов, чтобы тот открыл себе счет в банке. Неудивительно, что этот подвижный, уверенный в своих силах и еще не тронутый жизнью юнец расположил мистера Дэвиса ко всей семье Каупервуд.

ГЛАВА III

На четырнадцатом году жизни Фрэнк Каупервуд впервые пустился в коммерческую авантюру. Однажды, проходя по Фронт-стрит, улице импортирующих и оптовых фирм, он заметил аукционный флажок над дверью оптово-бакалейного магазина; изнутри слышался голос аукциониста:

— Что мне предложат за партию превосходного яванского кофе? Оптовая рыночная цена на сегодняшний день семь долларов тридцать два цента за мешок. Сколько даете? Сколько даете? Партия идет только целиком. Сколько даете?

— Восемнадцать долларов! — крикнул стоявший у двери лавочник, собственно, лишь для того, чтобы положить начало торгам.

Фрэнк остановился.

— Двадцать два, — произнес другой голос.

— Тридцать, — послышался третий.

— Тридцать пять! — воскликнул четвертый.

Цена дошла до семидесяти пяти долларов, что составляло меньше половины настоящей стоимости кофе.

— Семьдесят пять долларов! Семьдесят пять! — выкрикивал аукционист. — Кто больше? Семьдесят пять долларов —

раз. Кто даст восемьдесят? Семьдесят пять долларов — два... — Он сделал паузу и драматическим жестом занес руку. Затем резко опустил ее. — Продано мистеру Сайласу Грегори за семьдесят пять долларов. Запишите, Джерри, — обратился он к своему рыжему, веснушчатому помощнику и тут же перешел к продаже другой партии бакалейного товара: одиннадцати бочонков крахмала.

Юный Каупервуд быстро прикинул в уме. Рыночная цена кофе, если верить аукционисту, семь долларов тридцать два цента за мешок; значит, лавочник, купивший его за семьдесят пять долларов, может тут же заработать восемьдесят шесть долларов четыре цента, а продав его в розницу, и того больше. Насколько ему помнится, мать платит двадцать восемь центов за фунт. С учебниками под мышкой Фрэнк протиснулся поближе и стал еще внимательнее следить за процедурой торгов. Бочонок крахмала, как он вскоре услышал, стоил десять долларов, а здесь его продали за шесть. Несколько бочонков уксуса пошли с молотка за треть своей стоимости. Фрэнку очень захотелось принять участие в торгах, но в кармане у него была только мелочь. Аукционист заметил мальчика, стоявшего прямо перед ним, и был поражен серьезностью и упорством, написанными на его лице.

— Предлагаю партию прекрасного кастильского мыла — семь ящиков, не больше и не меньше. Оно, надо вам знать, если вы вообще что-нибудь смыслите в мыле, стоит теперь четырнадцать центов брусок. А за ящик с вас возьмут не меньше одиннадцати долларов семидесяти пяти центов. Сколько даете? Сколько даете? Сколько даете?

Он говорил быстро, с обычными интонациями аукциониста и чрезмерным пафосом, но на юного Каупервуда это не действовало. Он живо подсчитывал в уме. Семь ящиков по одиннадцать семьдесят пять — всего восемьдесят два доллара двадцать пять центов. И если эта партия пойдет за полцены... если она пойдет за полцены...

— Двенадцать долларов! — предложил кто-то.

— Пятнадцать! — повысил цену другой.

Дальше пошли надбавки по одному доллару, так как кастильское мыло не пользовалось широким спросом.

— Двадцать шесть!

- Двадцать семь!
- Двадцать восемь!
- Двадцать девять!

Все молчали.

- Тридцать! — решительно произнес юный Каупервуд.

Аукционист, маленький худощавый человечек с изможденным лицом и взъерошенными волосами, с любопытством и несколько недоверчиво покосился на Фрэнка, ни на миг, впрочем, не умолкая. Напряженный взгляд мальчика поневоле привлек его внимание, и он как-то сразу, сам не зная почему, преисполнился доверия и решил: деньги у него есть. Возможно, он сын какого-нибудь бакалейщика.

— Тридцать долларов! Тридцать долларов! Тридцать долларов за партию превосходного кастильского мыла! Отличное мыло! В розницу идет по четырнадцать центов кусок. Кто даст тридцать один доллар? Кто даст тридцать один? Кто даст тридцать один?

- Тридцать один! — раздался голос.

- Тридцать два! — произнес Каупервуд.

Торг возобновился.

— Тридцать два доллара! Тридцать два доллара! Тридцать два доллара! Кто даст за это замечательное мыло тридцать три? Семь ящиков прекрасного кастильского мыла. Кто даст тридцать три?

Мозг юного Каупервуда напряженно работал. Денег у него с собой не было, но его отец служил помощником кассира в Третьем национальном банке, и Фрэнк мог сослаться на него. Все это мыло, без сомнения, удастся продать бакалейщику по соседству с домом, а если не ему, то еще какому-нибудь лавочнику. Нашлись ведь и другие, желавшие приобрести его по такой цене. Так почему бы мыло не купить Фрэнку?

Аукционист сделал паузу.

— Тридцать два доллара — раз! Кто даст тридцать три? Тридцать два доллара — два! Даст кто-нибудь тридцать три? Тридцать два доллара — три! Семь ящиков превосходного мыла! Кто даст больше? Раз, два, три! Кто больше? — Рука его снова поднялась в воздух. — Продано мистеру...

Он слегка перегнулся через стойку, с любопытством заглядывая в лицо юного покупателя.

— Фрэнку Каупервуду, сыну помощника кассира Третьего национального банка, — твердым голосом проговорил мальчик.

— Идет! — сказал аукционист, убежденный его уверенным взглядом.

— Вы подождете, пока я сбегаю в банк за деньгами?

— Хорошо! Только недолго: если вы через час не вернетесь, я снова пушу его в продажу.

Фрэнк уже не ответил. Он выбежал за дверь и прежде всего помчался к знакомому бакалейщику, чья лавка была на расстоянии одного квартала от дома Каупервудов.

Последние тридцать шагов он прошел медленно, потом построил беспечную мину и, войдя в лавку, стал глазами искать кастильское мыло. Вот оно — на обычном месте, того же сорта, в таком же ящике, как и «его» мыло.

— Почем у вас кусок такого мыла, мистер Дэлримпл? — осведомился Фрэнк.

— Шестнадцать центов, — с достоинством отвечал лавочник.

— Если я предложу вам семь ящиков точно такого товара за шестьдесят два доллара, вы возьмете?

— Точно такого?

— Да, сэр.

Мистер Дэлримпл мысленно произвел подсчет.

— Да, пожалуй, — осторожно ответил он.

— И вы могли бы сегодня же заплатить мне?

— Я дал бы вексель. А где товар?

Мистер Дэлримпл был несколько озадачен этим неожиданным предложением соседского сына. Он хорошо знал мистера Каупервуда, да и Фрэнка тоже.

— Так вы возьмете мыло, если я вам сегодня его доставлю?

— Возьму, — отвечал лавочник. — Вы что же, мылом занялись?

— Нет, но я знаю, где его можно дешево купить.

Фрэнк торопливо вышел и побежал к отцу. Операции в банке уже прекратились, но мальчик знал там все ходы и выходы и знал также, что мистер Каупервуд будет доволен, если сын заработает тридцать долларов. Ему нужно было только занять денег на один день.

— Что случилось, Фрэнк? — поднимая голову от конторки, спросил мистер Каупервуд, завидев своего раскрасневшегося и запыхавшегося сына.

— Я хочу попросить у тебя взаймы тридцать два доллара, папа.

— Хорошо. А на что они тебе понадобились?

— Я собираюсь купить мыло: семь ящичков кастильского мыла. Я знаю, где его достать, и у меня уже есть на него покупатель. Мистер Дэлримпл берет всю партию. Он предложил мне шестьдесят два доллара. А я покупаю за тридцать два. Если ты дашь мне денег, я мигом слетаю и заплачу аукционисту.

Мистер Каупервуд улыбнулся. Никогда еще его сын не проявлял такой деловитости. Для мальчика тринадцати лет он был на редкость сообразителен и оборотист.

— Итак, Фрэнк, — сказал он, направляясь к ящику, в котором лежало несколько ассигнаций, — ты, видно, уже становишься финансистом. А ты уверен, что не потерпишь убытка? Ты отдаешь себе отчет в своей затее?

— Дай же мне деньги, папа! — с мольбой в голосе проговорил Фрэнк. — А я тебе докажу, на что я способен. Только дай деньги. Можешь мне поверить.

Он походил на молодую охотничью собаку, учуявшую дичь. Отец не мог противиться его настояниям.

— Разумеется. Фрэнк, я верю тебе, — сказал он, отсчитывая шесть пятидолларовых банкнот своего же Третьего национального банка и две по доллару. — Получай!

Пробормотав благодарность, Фрэнк выскочил и со всех ног понесся на аукцион. В момент его прихода с торгов продавался сахар. Фрэнк протискался к столику, за которым сидел клерк.

— Я хочу заплатить за мыло, — сказал он.

— Сейчас?

— Да. Вы мне выпишете квитанцию?

— Можно!

— Товар будет доставлен на дом?

— Нет, у нас без доставки. Вы должны забрать его в течение суток.

Неожиданное затруднение не смутило Фрэнка.

— Хорошо, — сказал он, пряча квитанцию в карман.

Аукционист невольно проводил его глазами. Через полчаса Фрэнк вернулся в сопровождении ломовика, околачивавшегося со своей телегой в порту и готового подработать чем угодно.

За шестьдесят центов он подрядился отвезти мыло по назначению. Еще через полчаса они уже стояли перед лавкой изумленного мистера Дэлримпла, которого Фрэнк, прежде чем сгружать мыло с телеги, заставил выйти на улицу и взглянуть на ящики. В случае если сделка не состоится, Фрэнк решил отвезти мыло домой. Несмотря на то что это была его первая спекуляция, он все время сохранял полнейшее присутствие духа.

— Н-да, — проговорил мистер Дэлримпл, задумчиво почесывая седую голову, — н-да, мыло то же самое. Я беру его. Слово надо держать. Где это вы его раздобыли, Фрэнк?

— На распродаже у Биксома, тут недалеко, — откровенно и учтиво отвечал юный Каупервуд.

Мистер Дэлримпл велел отнести мыло в лавку и после некоторых формальностей, осложнявшихся тем, что продавец был несовершеннолетним, выписал вексель сроком на месяц.

Фрэнк поблагодарил и спрятал его в карман. Он решил еще раз пойти к отцу и учесть вексель, как это делали на его глазах другие, чтобы отдать долг и получить свой барыш наличными. Как правило, этих операций не производят после закрытия банка, но отец сделает для него исключение.

Насвистывая, он отправился в путь; отец снова улыбнулся, увидев его.

— Ну как, Фрэнк, выгорело твое дело? — осведомился мистер Каупервуд.

— Вот вексель сроком на месяц, — сказал мальчик, кладя на стол полученное от Дэлримпла обязательство. — Пожалуй-ста, учти его с удержанием своих тридцати двух долларов.

Отец внимательно рассматривал вексель.

— Шестьдесят два доллара, — прочитал он. — Мистер Дэлримпл. Все правильно. Да, я его учту. Это обойдется тебе в десять процентов, — пошутил он. — Но почему бы тебе не оставить вексель у себя? Я могу подождать и не буду требовать свои тридцать два доллара до конца месяца.

— Нет, не надо, — возразил Фрэнк, — ты лучше учти его и возьми свои деньги. Мои могут мне понадобиться.

Деловитый вид сына позабавил мастера Каупервуда.

— Ну хорошо, — сказал он. — Завтра все будет устроено, а теперь расскажи мне, как тебе это удалось?

И сын ему рассказал. В семь часов вечера эту историю узнала миссис Каупервуд, а несколько позднее и дядя Сенека.

— Ну что я вам говорил, Каупервуд? — воскликнул дядюшка. — Этот мальчуган подает надежды. Вы еще и не то увидите!

За обедом миссис Каупервуд с любопытством вглядывалась в сына. Неужели вот этого мальчика она еще так недавно кормила грудью? Как он быстро возмужал!

— Надеюсь, Фрэнк, тебе и впредь будут удаваться такие дела, — сказала она.

— И я надеюсь, мама, — последовал лаконичный ответ.

Правда, торги происходили не каждый день, и не каждый день были возможны сделки с бакалейщиком, но Фрэнк уже с юных лет умел наживать деньги. Он собирал подписку на журнал для юношества, работал агентом по распространению нового типа коньков, а раз даже соблазнил окрестных мальчишек объединиться и закупить себе к лету партию соломенных шляп по оптовой цене. О том, чтобы сколотить капитал бережливостью, Фрэнк и не помышлял. Он чуть не с детства проникся убеждением, что куда приятнее тратить деньги не считая и что этой возможности он так или иначе добьется.

В этом же году, если не раньше, в нем начал пробуждаться интерес к девочкам. Его взгляд неизменно останавливался на самой красивой. А так как он сам был красив и обаятелен, то ему ничего не стоило заинтересовать своей особой понравившуюся ему девочку. Двенадцатилетняя Пейшенс Барлоу, жившая по соседству, была первой, на которую он загляделся, и сама она загляделась на него.

Природа наделила ее блестящими черными глазами и черными волосами, которые она заплетала в две тугие косы. Изящные ножки с тонкими лодыжками легко несли ее прелестную фигурку. Родители девочки были квакеры, и на ее голове всегда красовался скромный маленький чепчик. Характер у нее, однако, был очень живой, и этот смелый, самоуверенный, прямой мальчик ей нравился. Однажды, после того как они не раз уже обменялись беглыми взглядами, он остановил ее (девочка шла в ту же сторону) и с улыбкой, смело, как всегда, спросил:

— Вы ведь живете на нашей улице? Правда?

— Да, — отвечала она, слегка волнуясь и раскачивая сумку с книгами, — в доме сто сорок один.

— Я знаю этот дом, — сказал он. — Видел, как вы туда входили. Вы, кажется, учитесь в одной школе с моей сестрой? Ведь вас зовут Пейшенс Барлоу?

Он слышал, как кто-то из его соучеников назвал ее по имени.

— Да, — подтвердила она. — А откуда вы знаете?

— Слышал, — улыбнулся Фрэнк. — Я вас часто вижу. Хотите лакрицы?

Он порылся в кармане и вытащил несколько палочек свежей лакрицы, очень распространенного в те времена лакомства.

Пейшенс ласково поблагодарила и взяла одну.

— Наверно, не очень вкусно. Она уже давно лежит в кармане. На днях у меня были тянучки.

— Нет, вкусно, — отозвалась она, посасывая кончик палочки.

— Вы ведь знаете мою сестру, Анну Каупервуд? — спросил Фрэнк, возвращаясь к начатому разговору и как бы представляясь своей соседке. — Она, правда, классом младше вас, но, может быть, вы знакомы?

— Я ее знаю. Мы встречаемся, когда идем из школы.

— Я живу вон там, направо. — Фрэнк указал ей на дом, к которому они подходили, будто девочка и без того не знала, где он живет. — Надеюсь, мы теперь часто будем видеться?

— Вы знакомы с Рут Мерриэм? — спросила она, когда Фрэнк уже собирался свернуть на мощеную дорожку, ведущую к его дому.

— Нет, а почему вы спрашиваете?

— У нее во вторник вечеринка, — как бы вскользь заметила девочка.

— Где она живет?

— В доме двадцать восемь.

— Я был бы не прочь зайти к ней, — признался Фрэнк, сворачивая домой.

— Может быть, она пригласит вас. — Пейшенс становилась все храбрее по мере того, как расстояние между ними увеличивалось. — Я ее попрошу.

— Спасибо, — поблагодарил он с улыбкой.